
В. И. МЕТЛОВ

ДИАЛЕКТИКА И СОВРЕМЕННОЕ НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

О современном научном познании мы будем говорить лишь в той степени, в какой оно становится на эволюционный путь. Мы не в состоянии, разумеется, затронуть все проблемы современной науки. Тем не менее выбранный нами аспект нынешнего состояния науки представляется достаточно важным для его более или менее обособленного рассмотрения. Эволюционный подход довольно прочно утвердился в исследованиях научного познания в целом и стал содержанием большинства современных отраслей научного познания как естественных, так и относящихся к социально-гуманитарным сферам. Между тем диалектика, которая представляет наиболее развитую форму теории развития, оказывается в своего рода пренебрежении.

Настоящая статья ставит задачей обратить внимание на возможности диалектики, которые совершенно игнорируются в современной философии, методологии и логике научного познания, то есть в том, что может быть обозначено как метанаучные исследования.

Хотя времена, когда проблемы диалектики в том числе и в связи со специально-научным познанием находятся не в столь уж отдаленном прошлом, диалектика в настоящее время практически полностью исчезла с интеллектуального горизонта в нашей стране, во всяком случае в монументальных работах. Ритуальный характер обращения к диалектике довольно значительного, если не подавляющего, числа отечественных авторов в советский период, а также та легкость, с которой осуществлялся отказ от нее большинства этих авторов, свидетельствует, кажется, помимо прочих причин о довольно поверхностном ее усвоении. Нам представляется важным в этой связи обратить внимание на само понятие диалектики.

Что такое диалектика. Пытаясь ответить на этот вопрос, мы обратимся к той форме диалектики, которая сложилась в работах немецких философов-классиков, конечно, Канта, Фихте, Шеллинга,

Гегеля, а затем у Маркса, то есть к наиболее законченной ее форме. Вместе с тем нам представляется достаточно важным обратить внимание на наиболее существенные недостатки понимания диалектики в советский период.

Самое важное, что следует отметить, говоря о недостатках представления диалектики в советский период, – это отсутствие даже в самых лучших работах по диалектике этого периода понимания необходимости выведения диалектики из единого принципа, того, который, в частности и в первую очередь, представлен К. Марксом в первом тезисе, посвященном Л. Фейербаху, а именно принципа практики, активности субъекта, и который представляет собой завершение интеллектуального движения, начало которому было положено коперниканским переворотом в познании, осуществленным И. Кантом.

Игнорируя это обстоятельство, диалектика фактически утрачивала характер чего-то необходимого и естественным образом оказывалась сведенной к сумме более или менее удачных примеров, которые в изобилии поставляли и естествознание, и социальные науки, и общественная жизнь. Это обстоятельство было, нам кажется, одним из главных препятствий на пути плодотворного взаимодействия философского и специально-научного познания. Значительное место в работах по диалектике заняла на редкость бесплодная полемика по вопросу о соотношении формально-логических и диалектических противоречий, что совершенно исключалось бы при ясном понимании процесса становления диалектической идеи. Но этим не исчерпываются негативные последствия пренебрежения анализом происхождения идеи диалектики: игнорирование ее связи и как идеи, и как феномена реальной жизни с активностью субъекта, в конечном счете с глобальными изменениями общественной жизни (Великая французская революция, промышленный переворот в Англии), оказалось препятствием для корректного установления отличий типов диалектики, представленных, скажем, немецкими философами-классиками, а также уровней собственно диалектического развития того или иного специально-научного материала или материала общественной жизни; препятствовало уяснению значения такого феномена, как распад исследований науки на обосновательные и методологические, уяснению соотношения естественнонаучного и социального, теорети-

ческого и практического кризисов науки. С этим же связано за версту отдающее кантианством разведение основного вопроса философии и учения о диалектической противоречивости. Игнорирование активности субъекта, субъектно-объектного контекста становления идеи диалектики приводило к забвению того простого и фундаментального обстоятельства, что основной заботой классической немецкой философии является обретение вещи, преодоление кантовской вещи в себе, и что это достигается в формах диалектического движения, – положение, как мы увидим, чрезвычайно важное для решения вопросов, вставших в ходе взаимоотношения философии и науки. Наконец, оно давало повод для довольно поверхностной критики таким образом представленной диалектики.

В марксистской литературе, в том числе и классической, как правило, рассматриваются отдельно основной вопрос философии и то, что, с легкой руки В. И. Ленина, получило название ядра диалектики, то есть учение о диалектической противоречивости. Оправданное до известной степени в педагогических целях, это разделение порождает некоторые следствия, которые делают совершенно очевидной некорректность такого рода разделения. Одно из них, и, может быть, самое главное, состоит в том, что законы и категории диалектики, и, в первую очередь, именно те, которые связаны с принципом диалектической противоречивости, оказываются оторванными от материала действительности, приобретая до известной степени достаточно автономное существование. Если считать, что наиболее типичной ревизией марксизма вообще и его философских принципов в частности была всегда кантианская версия, то можно сказать, что в данном случае мы имеем ее самое аутентичное представление: методологические принципы, лучше сказать, метод, оказываются совершенно оторванными от материала реальности, от практики, сферой которой и является взаимоотношение материального и идеального. Не будем останавливаться на других, менее существенных следствиях отмеченного разделения.

В определенной мере в такого рода несистематическом представлении диалектики была боязнь впасть в ересь, культивируемую югославским «Праксисом», а именно, что диалектика возможна единственно как теория общественного развития, и что невозможна диалектика природы. В самом деле, опыт выведения диалектики из единого принципа (а таковым является принцип практики), каза-

лось, самым естественным образом необходимо приводил к субъективизации диалектики и, далее, к ее идеалистическому видению.

Авторы, группировавшиеся вокруг названного журнала, были правы в своем понимании органической связи, существовавшей между активностью субъекта и возникновением идеи диалектики, правы в своем утверждении, что диалектика реализуется в этой активности. Из этого не следует, однако, что диалектика является продуктом деятельности субъекта. То обстоятельство, что диалектика, диалектическое движение, реализуется в формах взаимоотношения субъекта и объекта и именно в этой форме своего существования оказывается наиболее адекватным образом воспринимаемой субъектом, не является основанием для утверждения субъективно-идеалистического характера диалектики или даже просто тезиса о том, что диалектика возможна только в сфере человеческой деятельности. Напротив, только при понимании диалектики как реализующейся адекватным образом в отношении субъект-объект возможным оказывается и аутентичное восприятие диалектики в природе: действительность дается нам в формах нашей человеческой деятельности.

Перейдем, однако, к изложению нашего представления о становлении диалектики в немецкой классической философии как представляющей наиболее аутентичные и значимые сегодня образцы диалектического мышления.

Становление диалектики, по крайней мере, в том виде, в каком она вошла в повседневный идейный обиход нашего времени, оказывается самым органическим образом связанным именно с активностью субъекта, с тем или иным образом понятой практической деятельностью. Достаточно в этом отношении обратить внимание на первые шаги диалектического движения, которые мы можем проследить по «Критике чистого разума» И. Канта¹. Что бы ни говорилось о несовершенстве кантовской диалектики, о том, что учиться диалектике по Канту представляется неблагодарной задачей, с чем, в принципе, трудно не согласиться, нельзя не заметить того обстоятельства, отмеченного в ряде наших публикаций, что именно Кант делает ясным то, что у его последователей существует уже, так сказать, в латентном виде, а именно органический харак-

¹ См.: Кант, И. Критика чистого разума. – Петроград, 1915.

тер связи между активностью субъекта и становлением противоречивости, которая у Канта выступает в форме антиномии.

Помимо названной особенности процесса формирования противоречивости в указанном смысле существует другое необходимое условие возникновения антиномической ситуации, а именно целостность, или тотальность (Totalitat). Возникновение парадоксов, антиномий, потрясших физиков и математиков, в основаниях их дисциплин было самым непосредственным и существенным образом связано с относительной завершенностью этих последних и рассмотрением сложившейся целостности, тотальности с точки зрения выработанных на предшествующем этапе их развития средств. Специально-научные дисциплины с замечательной точностью воспроизводят ситуацию возникновения антиномии, описанную Кантом в «Критике чистого разума»².

Полезно помимо этого обратить внимание на то, что зарождающаяся у кенигсбергского мыслителя диалектическая логика, названная им трансцендентальной, является логикой взаимоотношения предметного и теоретического: трансцендентальная логика «имеет дело исключительно с законами рассудка и разума, но лишь постольку, поскольку они априори относятся к предметам, в отличие от общей логики, которая имеет дело и с эмпирическими знаниями, и с чистыми знаниями разума без различия»³. Трансцендентальная логика оказывается, в принципе, логикой двухуровневой, логикой взаимоотношения субъектного и объектного, что с самого начала делает несостоятельным сопоставление ее с логикой формальной, логикой одноуровневой, лишая тем самым всякую критику диалектики со стороны логики формальной какого-либо кредита.

У последовавшей за Кантом диалектической линии развития практический момент приобретает гораздо более осязаемые социальные формы, реализуясь в постоянной заинтересованности в политико-экономической теории. Начиная с Фихте, политико-экономическая проблематика в той или иной степени начинает присутствовать в работах классиков немецкой философии. Но уже Кант дает определенный повод полагать, что вещь в себе является лишь философским выражением такого положения вещей, которое сложи-

² Кант, И. Указ. соч. – С. 286.

³ Там же. – С. 64.

лось в общественной жизни того периода и которое А. Смитом относится на счет общественного разделения труда, а именно отчуждения созданной субъектом вещи. Точнее сказать, то обстоятельство, что для последующей после Канта классической немецкой философии политико-экономическая проблематика становится постоянной заботой, свидетельствует лишь о том, что приведенное сопоставление Канта и Смита отнюдь не является беспочвенным. Собственно гносеологическое оказывается на определенном этапе общественного развития совпадающим, так сказать, с бытийным, онтологическим, хотя в отношении Канта употребление терминов «онтология», «гносеология» представляется уже чем-то архаичным.

В отечественной литературе теоретико-познавательные задачи, связанные с пониманием диалектики, достаточно традиционно отделялись от задач познания диалектики общественного бытия. Между кафедрами философии и кафедрами научного коммунизма контактов было не больше, а, лучше сказать, гораздо меньше, чем, скажем, у кафедры философии с кафедрами, представляющими те или иные специальные научные и технические дисциплины. Диалектика внушала ужас не одной буржуазии – ее критический и революционный потенциал был очень нехотел партией и государственной бюрократией, которая в эпоху, начатую перестройкой, дружно станет на позиции буржуазного преобразования общественных отношений в нашей стране.

С другой стороны, коммунистическая перспектива не часто представлялась как гносеологический и онтологический итог развития диалектики. Занимающимся диалектикой позволялось входить в самые запутанные сферы специально-научного познания, прежде всего, в области естествознания, но не больше. Словом, можно сказать, совершенно недостаточно рассматривались, если можно так выразиться, теоретико-познавательный смысл коммунизма как общественного строя, с одной стороны, и социальный смысл диалектики, с другой.

Между тем Ф. Энгельс с полным основанием зачислял в состав предшественников научного социализма не только социалистов-утопистов, но и представителей немецкой классической философии. Это делается легко понятным, если мы обратим внимание на то обстоятельство, что начиная с Фихте главной заботой немецкой

классической философии было устранение пропасти между субъектом и вещью, причем это оказывается в то же время достаточно органично связанным с политико-экономической озабоченностью немецких мыслителей, а не только с задачами познавательного плана. И. Кант со своей вещью в себе, то есть с отчуждением субъекта от объекта гносеологического плана, и А. Смит, с экономическим отчуждением производителя от произведенного продукта, оказываются здесь в начале теоретического движения, имевшего итогом, как известно, создание критики политической экономии К. Марксом как концепции, являвшей, в частности, органический синтез специально-научного и философского материала.

Основателям материалистической диалектики, таким образом, было видно как социалистическое содержание классической диалектики немецкой философии XIX столетия, так, по-видимому, и методическое (диалектическое) содержание универсализма социалистов и коммунистов утопического толка.

Принципиально предметный характер диалектики, так сказать, по определению, делает невозможным создание некой формальной диалектической логики, на создание которой были затрачены усилия многих советских философов. Предметность диалектики очень хорошо иллюстрируется опытами выхода из кризисов оснований различных отраслей научного познания: эти последние всегда, без какого-либо исключения, представляли и представляют собой утрату прежнего предмета той или иной отраслью научного познания. Достаточно вспомнить в этом отношении физику и психологию начала XX столетия с их тезисами «материя исчезла», «сознание испарилось». Но между этими крайними полюсами располагаются все остальные научные дисциплины, которые, так или иначе, оказывались перед необходимостью изменения понимания изучаемой в них предметной реальности. Замечательным представляется то обстоятельство, что это становление нового понимания предмета той или иной отрасли научного познания осуществлялось не только как преодоление специфической антиномичности данной отрасли, но имело еще и иной модус: это было в более общем смысле преодоление антитезы эмпирического и теоретического, с которой, в сущности, Канту, не удалось справиться, поскольку он, очевидно, понимает предмет науки как эмпирический предмет и, далее, преодоление антитезы обосновательного и методологического.

Рождающееся в ходе преодоления антиномии оснований той или иной отрасли научного познания понимание предметности, предмета, существенно связано в конечном итоге с преодолением остатков объективизма прежних взглядов на предмет и с пониманием неустранимости субъектного фактора, практической деятельности, в ходе которой, собственно, и рождается диалектически противоречивая предметность. Замечательна здесь точность, с которой ситуации в основаниях различных отраслей научного познания воспроизводят демарши немецкой классической философии, начиная с Канта и его антиномий.

Изменения, которые претерпевают понятия субъекта, взаимоотношения субъекта и объекта, самым непосредственным образом выражаются в понимании того, что в литературе по диалектике называется диалектическим противоречием. Естественно, что наибольшим вниманием в связи с анализом диалектической противоречивости в истории познания пользовался Гегель. И те, кто усваивает диалектику, и те, кто ставит задачей ее устранение (К. Поппер, Ж. Делез), по большей части обращаются именно к Гегелю как автору наиболее развитой теории диалектики, теории противоречия, по существу. Именно Гегель оказывается объектом критического анализа К. Поппера в статье «Что такое диалектика?», причем центральным моментом попперовского анализа является сопоставление провозглашаемой Гегелем диалектики и ее главного положения о диалектической противоречивости с положением о непротиворечивости формальной логики. «Вполне понятно, следовательно, — пишет Поппер, — что Гегель, полагая, что диалектика представляет собой истинное описание наших действительных процедур рассуждения и мышления, считал, что мы должны таким образом изменить логику, чтобы сделать диалектику важной, если не самой важной частью логической теории. Это делало необходимым устранение “...закона противоречия”, который, очевидно, был серьезным препятствием для принятия диалектики»⁴.

Надо заметить, что если Поппер и не вполне точно представляет позицию Гегеля, то, во всяком случае, он принимает во внимание именно то содержание полемики по вопросам диалектики, которое надолго определило состояние исследований этого рода в

⁴ Popper, K. What is Dialectic? In: *Conjectures and Refutations*. N. Y. — London, 1963. — P. 238.

СССР. Гегель, правда, дает определенный повод для такого рода его интерпретации. Он употребляет термин «противоречие» в смысле, принятом в формальной логике, для характеристики того, что является диалектическим противоречием, положение, исключаемое Кантом, который использует термин «столкновение» (*Widerstreit*) для обозначения того, что в его трансцендентальной логике и диалектике может быть названо диалектическим противоречием. Вызывает возражение и антиисторизм Гегеля в отношении к начальному этапу развития диалектической противоречивости, представленному именно антиномией Канта: Гегель игнорирует необходимость предшествующего снятию антиномичности развития тезиса и антитезиса антиномии до того уровня, на котором только и возможно снятие.

Вместе с тем, несмотря на путаницу, внесенную в теорию противоречия самим Гегелем, невозможно не обратить внимания на то обстоятельство, что противоречивость собственно диалектического порядка возникает у Гегеля фактически в ходе и на основе взаимоотношения субъектного и объектного уровней как форма развития взаимоотношения между «я» и «вещью» и что, следовательно, возможность столкновения такого рода противоречивости с рассудочным мышлением, на уровне которого описывается языковая и логическая активность, подчиняющаяся действию известного закона формальной логики – логики, как уже отмечалось, одного уровня, здесь полностью исключается, и критика Поппера в адрес диалектики бьет мимо цели.

Неоднократно обращалось внимание на то, что все особенности диалектического противоречия определяются характером отношения субъекта и объекта. Это обстоятельство отчетливо просматривается при переходе от Канта к Гегелю, когда кантовская непоследовательность в проведении принципа активности субъекта тотчас же выражается в распаде характеристик единого предмета в столкновениях тезисов и антитезисов антиномии чистого разума, и, напротив, фихтевское и гегелевское решения, характеризующиеся последовательностью именно в том пункте, где ее недостает Канту, приводят к появлению целостного предмета и целостного «я», субъекта. Косвенное подтверждение названной связи отношения «субъект-объект», «материальное-идеальное», с одной стороны, и структуры и динамики отношения диалектического противоречия,

с другой, дается основными философскими направлениями, определяющими философский пейзаж наших дней – экзистенциально-феноменологическими и аналитическими: их опыты избавления от отношения «субъект-объект», «материальное-идеальное» неизменно связаны с игнорированием диалектики.

Полезным представляется обратить внимание на то обстоятельство, что приведенная схема возникновения диалектического противоречия естественным образом оказывается связанной в своей характеристике диалектического противоречия с идеей отражения, рефлексии. Рефлексия в себя и рефлексия в другое, описывающие отношения между вещью и субъективностью, представляют собой фактически ту форму, в которой, у Гегеля в частности, реализуется диалектическая противоречивость. Без отражения вообще не существует развития, и Гегель отчетливо понимает это обстоятельство. Характеризуя развертывание Абсолютного у Спинозы, он отмечает отсутствие у этого мыслителя рефлексии в себя, что роднит его учение с учением об эманации, последнее же не удовлетворяет Гегеля потому, что рефлексия оказывается в таком случае внешней процессу. Это обстоятельство делает лишь более настоятельной задачу отличения понимания отражения и, следовательно, диалектической противоречивости у Гегеля и в материалистической диалектике Маркса.

Рефлексия у Гегеля как эквивалент отражения представляет собой в общем случае мысль о мысли. Для Гегеля не существует вопроса о том, откуда взялась способность к рефлексированию. Отличие материалистической диалектики Маркса от идеалистической диалектики Гегеля сводится, таким образом, к отличию их концепций диалектического противоречия, а отличие на этом последнем уровне оказывается детерминированным отличием понимания отражения в каждой из названных концепций. Концепция тождества бытия и мышления вовсе не обязательно исключает – и это именно случай Гегеля – отражения. Утверждать противоположное – значит упрощать себе задачу критики Гегеля. Отражение вообще является неизбежной компонентой отношения противоречивости и, следовательно, всякой заслуживающей этого названия (диалектической) теории развития.

Отличие Маркса от Гегеля в решении поставленных выше вопросов – это отличие открытой, способной к дальнейшему разви-

тию системы материалистической диалектики от замкнутой телеологической системы Гегеля. Процесс познания у Гегеля заканчивается абсолютным тождеством, познанием идеей самой себя, возвращением в идею, тогда как у Маркса познание оказывается возможным лишь на основе и с точки зрения более высокой ступени развития, возникающей в результате снятия противоположностей как их диалектический синтез. Эта более высокая ступень в развитии познания у Маркса возникает, таким образом, на основе развития и разрешения противоречий менее высокой ступени развития, тогда как у Гегеля или у Фихте она оказывается существующей от века. Вновь достигнутая ступень познания у Маркса, в отличие от Фихте и Гегеля, представляет собой не прекращение развития, но исходный пункт нового этапа развертывания противоречия. Легко заметить, что усмотрение существования отражения в отношениях противоположностей противоречия тотчас приводит к пониманию различия в структуре разрешения противоречия в материалистической и идеалистической формах диалектики.

Полезно обратить внимание еще на одно обстоятельство, связанное со становлением и развитием того, что обозначается термином «диалектическое противоречие». Противоречивость эволюционирует, она имеет свою историю. Она начинается с антиномических ситуаций, которые характеризуются колебательностью, и завершается снятием. Хорошо это выражено в «Критике чистого разума». Характеризуя отношение между тезисом и антитезисом антиномии, Кант замечает: «Но если бы человек мог отказаться от всякого интереса и рассматривать утверждения разума, независимо от всех последствий их, только со стороны содержания их оснований, то он впал бы в состояние постоянного колебания, если бы не находил иного выхода, как принять или первое, или второе из борющихся учений. Сегодня ему казалось бы убедительным, что человеческая воля свободна, а завтра, принимая во внимание неразрывную цепь природы, он полагал бы, что свобода есть лишь самообман, и все есть только природа. При переходе же к практической деятельности эта игра чисто теоретического разума исчезала бы, как тени сновидения, и он избирал бы свои принципы только соответственно практическому интересу»⁵.

⁵ Кант, И. Указ. соч. – С. 291–292.

Кажется, кенигсбергский мыслитель совершенно не придает значения вскользь сделанному замечанию о колебательности в отношениях тезиса и антитезиса, да и критика останавливается больше на практическом характере преодоления антиномичности. Лишь в не столь уж отдаленные времена эта догадка Канта приобрела едва ли не парадигмальное значение, получив существенное подкрепление со стороны различных отраслей научного познания, в частности, со стороны логики и биологии. «Парадоксы (этим термином здесь обозначается то, что мы называем антиномией. – В. М.) не являются противоречиями. Они являются не утверждениями, указывающими на два или более несовместимых направления, но утверждениями, которые колеблются между различными направлениями и не могут принять какое-либо постоянное направление»⁶. Все свое значение рассматриваемая мысль Канта получает тогда, когда мы обращаем внимание на связь колебательности с отношением «субъект-объект»: рассмотренные в контексте этого отношения, антиномические ситуации как характеризующиеся колебательностью в отношениях между тезисом и антитезисом уже не могут рассматриваться лишь как антиномии-проблемы, то есть исключительно на теоретическом уровне.

Установление связи идеи диалектического противоречия и его начальной формы, антиномии, с условиями формирования, а именно с отношением «субъект-объект», позволяет сделать определенное обобщение: обобщение, имеющее основой усмотрение идентичности в характере действия субъекта, приводящем к возникновению антиномичности и, далее, к разрешению этой последней в философии, начиная с Канта, и самоприменимости как фактора, определяющего возникновение антиномий, описываемых в различных специальных отраслях современного научного познания.

Кстати сказать, установление зависимости между существованием отношения отрицательной обратной связи и возникновением колебательного режима в системе чрезвычайно высоко оценивается крупным биологом-эволюционистом и генетиком К. Уоддингтоном. «Этот вывод, – пишет ученый, – если он справедлив, представляет собой, на мой взгляд, одно из важнейших положений теоретической биологии»⁷.

⁶ Wormell, J. O. On the paradoxes of self-reference. – Mind, 1958. – Vol. 67. – No 266. – P. 271.

⁷ Уоддингтон, К. На пути к теоретической биологии. – М., 1970. – С. 23–24.

В своей материалистической форме диалектика означает неустранимость постоянного соотношения того, что может быть названо теоретическим уровнем, с уровнем предметным, точнее, субъектного с эмпирически данной предметностью. Это вовсе не является тем, что могло бы быть обозначено как применение диалектики к внешнему материалу. Это взаимоотношение субъектного и объектного, материального и идеального в ходе и на основе практической деятельности представляет собой собственную форму существования диалектической противоречивости, вообще материалистической диалектики. Но в этом случае диалектика представляет собой нечто большее, чем только философская теория.

Если резюмировать сказанное о диалектике, то можно сформулировать следующие основные положения:

1) Идея диалектики рождается на основе признания активной роли субъекта в формировании изучаемого объекта.

2) Диалектика оказывается той формой, в которой обретается утраченная Кантом вещь в себе, преодолевается разрыв между субъектом и объектом, диалектическое движение оказывается движением, воплощающим развитие отношений между субъектом и объектом и идентичные субъектно-объектным отношения во вне-социальной реальности, характеризующиеся самоприменимостью, отрицательной обратной связью, рефлексией в себя. На этой основе осуществляется преодоление неокантианского разведения наук естественных и наук социальных, в основе чего лежит в конечном итоге разрешение третьего столкновения антиномии чистого разума И. Канта.

3) Диалектическое противоречие – это в конечном итоге определенный тип взаимоотношения субъектного и объектного и, далее, материального и идеального, оно не представляет собой нечто законченное раз и навсегда, оно имеет свою историю, развертываясь от начальных форм, антиномичности, к формам более развитым, в которых осуществляется снятие противоречивости, обретение субъектом вещи в себе, преодоление отчуждения как гносеологического (И. Кант), так и социального (А. Смит). Эта двухплоскостность диалектического противоречия, реализующаяся во взаимоотношении названных уровней, исключает саму возможность соотношения его с противоречием формально-логическим, а потому делает иррелевантной критику диалектики типа попперовской.

4) Диалектическое движение, ведущее к устранению вещи в себе, естественным образом устраняет разрыв между элементами и методом (у Канта практически во всех трех «Критиках» имеет место различие трансцендентального учения об элементах и трансцендентального учения о методе), что в современных метанаучных исследованиях приобрело форму противостояния исследований оснований знания и методологических исследований. Уже у Фихте мы видим взаимопроникновение разделенных Кантом моментов, и вместо разведенных учений об элементах и методе мы имеем «Наукоучение», основания же знания становятся самым существенным моментом его развития.

5) Принципиальная содержательность диалектической логики, вытекающая из условий ее происхождения. Неразделимость вопроса об отношении материального и идеального и вопросов диалектики.

Состояние исследований в области философии науки. Под философией науки в настоящей статье мы будем иметь в виду в интересах краткости не то достаточное узкое ее понимание, в котором она отождествляется с проблематикой оснований научного знания, но тот смысл, который охватывается в настоящее время понятиями: логика, философия и методология науки.

Обсуждение проблем философии науки едва ли возможно без обсуждения понятия кризиса науки, научного познания. Собственно говоря, эта дисциплина и сложилась как ставящая себе целью преодоление этого кризиса. Этот кризис характеризуется утратой выработанного на предыдущих этапах развития науки предмета, что выражается, в частности, и в появлении антиномий, в том числе в самих основах дисциплин, слывших цитаделью научной строгости. Опыты разрешения кризисных ситуаций характеризуются или акцентом на обоснование и, следовательно, на тем или иным образом охарактеризованную предметность – так обстояло дело в логическом позитивизме, или акцентом на развитие знания, на методологию познания. Итогом такого разведения обосновательной проблематики и проблематики развития знания было неудовлетворительное решение каждой из названных проблем. Ни в одном случае собственно философия науки не вышла за пределы обозначенных Кантом линий развития. Нынешнее ее движение в некоторых случаях в сторону постмодернизма с его акцентом на самодостаточность текста способно лишь осложнить ситуацию, обострить кризис.

Каким бы образом ни понималась философия науки, нам представляется, что мы не ошибемся, если скажем, что ее основной задачей является выяснение вопроса о том, что такое наука, то есть каковы ее, науки, предмет и метод. Ставится ли проблема использования наиболее надежных отраслей знания для обоснования познания в целом, или же анализируется практика достижения ученым, вообще наукой определенных результатов – в любом случае вопрос о сущности науки, научного познания является центральным. Без его решения в качестве определяющего все остальные занятия философией науки могут стать ненужными ни философии, ни науке.

Задача, которая непосредственно оказалась в сфере действия философии науки, лучше сказать, в сфере метанаучных изысканий (включая в них собственно философию науки, озабоченную основаниями, методологию науки, связанную, прежде всего, с развитием знания, и логику науки, анализирующую структуру научного знания) – это, таким образом, задача реконструкции науки, идет ли речь о логическом позитивизме с его проблемой базисных предложений и индукцией, или о доктрине К. Поппера, возникшей в качестве реакции именно на позитивизм Венской школы, то есть на обосновательные тенденции этого направления и на его индуктивизм. Исторически сложилось такое положение вещей в названной дисциплине, что ее состояние определяется той или иной философской концепцией. Можно сказать, что здесь с замечательной точностью повторились демарши классической философии Нового времени: юмизм неопозитивистов сменился кантианством его критиков. Логический позитивизм и попперовская концепция роста научного знания – репрезентативные примеры отмеченного положения вещей.

Типичен в этом отношении пример К. Поппера, который строит общую теорию познания как эволюционную теорию, опираясь на определенным образом интерпретированную дарвиновскую концепцию эволюции. Поппер выделяет додарвиновские и дарвиновские теории познания. Свою концепцию он относит к дарвиновским. Основной недостаток додарвиновских концепций познания он видит в том, что в них решающее значение придается вопросу о надежном исходном пункте знания. Теория познания, которую он хочет предложить, является, согласно его утверждению, дарвиновской теорией роста знания. Характеристика исходного пункта для

такой теории роста знания не является решающим моментом, и это оправдывается, считает Поппер, именно дарвиновским характером подхода к познанию.

Другой вопрос, который решается Поппером опять-таки с опорой на дарвиновскую концепцию эволюции, – это вопрос о характеристике процесса перехода от старого знания к новому, вопрос о процессе возникновения нового знания: рост знания в принципе непредсказуем.

«Реальная трудность дарвинизма, – пишет Поппер, – это хорошо известная проблема объяснения эволюции, которая является, по-видимому, целенаправленной, так же как эволюция наших глаз, невероятно большим числом очень небольших шагов; ибо, согласно дарвинизму, каждый из этих шагов является результатом чисто случайных мутаций. Трудно объяснить ценность всех этих независимых случайных мутаций для выживания»⁸.

Нельзя не отметить, что Поппер указывает, действительно, на самое фундаментальное затруднение современной эволюционной теории. «...Если эволюция направляется случайными мутациями, регулируемые лишь естественным отбором, то каким образом она могла обеспечить образование все более и более сложных структур, вплоть до человека, и исключительно сложных изысканий человеческого разума?» – так формулирует это затруднение один из участников встречи ученых, посвященной теоретической биологии⁹.

Предлагаемое Поппером решение названной проблемы теории эволюции характеризуется им как «генетический дуализм»: «...мое решение проблемы сводится к гипотезе, что во многих, если не во всех тех организмах, эволюция которых порождает нашу проблему, ...мы можем различить более или менее четко (по меньшей мере) две различные части: грубо говоря, часть, *контролирующую поведение*, наподобие нервной системы высших животных, и *исполнительную часть*, наподобие органов чувств и конечностей, вместе с поддерживающей их структурой»¹⁰.

Нам представляется, что приводимый Поппером пример irrelevant по отношению к современной форме дарвинизма и, во-

⁸ Popper, K. Objective Knowledge. An evolutionary Approach. – Oxford, 1972. – P. 269–270.

⁹ Уоддингтон, К. Указ. соч. – С. 45.

¹⁰ Popper, K. Objective Knowledge... – P. 273.

обще говоря, по отношению к классическому дарвинизму. Едва ли возможно по аналогии с управляемым механическим устройством квалифицировать как независимые две структуры – структуру управления и структуру исполнительную в живом организме, особенно в его сравнительно элементарных формах. Поппер ставит своей целью объяснить адаптивность исполнительных органов, совершенно оставляя в стороне вопрос о возникновении и развитии, эволюции самого управляющего органа, которые уже приводят к изменению генофонда, закрепляющему изменение исполнительных органов. Но именно вопрос об эволюции самого управляющего органа оказывается наиболее интересным вопросом теории эволюции, и можно сказать, что современная биология сумела сделать весьма значительное продвижение в его решении.

На первый взгляд может показаться, что Поппер строго следует здесь тенденции, обозначившейся в биологии, когда биологи-эволюционисты подчеркивают важное значение рассмотрения некоего квазителеологического, или телеономического, механизма, который как раз и позволяет объяснить то поразительное приспособление организмов к своей среде, на объяснение которого и претендуют телеологические концепции. Понятие телеономии, или телеономического аппарата, отличается, однако, от понятия телеологии, телеологических доктрин, какую бы форму они ни принимали, в первую очередь, тем, что здесь целесообразность, цель представляет собой не нечто вынесенное за пределы развивающегося вида, а нечто свойственное самому виду, нечто характеризующее ту основу, на которой он существует и развивается. Это вовсе не то, что, например, наподобие нервной системы высокоорганизованных существ локализовано в определенном месте организма, составляя, как это хотелось бы видеть Попперу, систему, задающую цели эволюции, но нечто характеризующее внутреннюю согласованность различных частей организма. «Телеономический аппарат таков, как он функционирует, когда выражается в первый раз мутация, определяет существенные *начальные условия* принятия, временного или окончательного, или отвержения попытки, рожденной из случая. Именно телеономическое свершение, глобальное выражение свойств сети конструктивных и регуляторных взаимодействий, оказывается перед судом селекции, и именно из

этого факта эволюция представляется совершающей «проект», проект продолжения и расширения «мечты предков»¹¹.

Не трудно заметить, что здесь не может быть речи об обособленном существовании некоего задающего цель устройства. Телеономический аппарат – это, таким образом, характеристика устройства в целом, а не нечто локализованное в определенной части живого организма. Аналогия Поппера нисколько не продвигает нас в решении основной проблемы эволюционной теории – проблемы разрешения конфликта механицизма и телеологии, и, более того, дает превратное представление о фактическом положении дел, зафиксированном наукой.

Она делает, однако, более выпуклым то затруднение, с которым Поппер не в состоянии справиться, более того, не в состоянии адекватно зафиксировать. То, что вынуждает Поппера принять доктрину «генетического дуализма», – это, с одной стороны, неприятие им механицизма, с другой же стороны – отсутствие в его органоне средств, дающих возможность справиться с противоречием, неизбежно встающим в ходе анализа проблемы эволюции, развития. Кантовское третье столкновение антиномии чистого разума как предельно общее выражение затруднения эволюционного подхода оказывается здесь неразрешенным.

В сущности, то же отсутствие интереса к проблеме предмета эволюции, к тому, что собственно эволюционирует, мы видим у Т. Куна в его ставшей одно время бестселлером «Структуре научных революций». Выход из трудностей, с которыми столкнулись предшествующие программы рациональной реконструкции развития (роста) научного знания, Кун видит в том, чтобы отказаться от попыток объяснения эволюции знания «к-тому-что-мы-хотим-знать» («toward-what-we-wish-to-know»). Кун считает ошибочным представление, согласно которому наука является предприятием, приближающим нас к определенной цели. Кун проводит аналогию – и это роднит его концепцию с попперовской – между своим пониманием развития знания и теорией Дарвина, отмечая, что последняя интересна для него именно тем, что она свободна от телеологического элемента, которым, по мнению Куна, страдают концепции развития знания.

¹¹ Monod, J. Le hasard et la necessite. – Paris, 1970. – P. 136.

Критика Куном телеологического момента в предшествующих его собственной концепции теориях развития знания не является, на наш взгляд, корректной: на деле критикуется не телеология, но идея соответствия знания объективной реальности, фактически устраняется, как это имеет место и у Поппера, какой-либо интерес к предмету, к тому, что собственно эволюционирует. Рассматривая концепцию Куна исключительно как доктрину развития знания, можно заметить, что именно отказ от понятия эволюции «к-тому-что-мы-хотим-знать» определяет неудовлетворительность характеристики существенного для Куна понятия «от-того-что-мы-знаем», то есть исходного пункта развития знания, исходного пункта рациональной его реконструкции. Едва ли можно считать ясным предлагаемое Куном решение вопроса об исходном пункте – состоянии знания сообщества в некоторый данный момент (*the community state of knowledge at any given*). Дать рациональную реконструкцию развития реального объекта или истории познания, исходя из этого пункта, – трудная, практически невыполнимая задача, и понятны элементы иррационализма Куна в объяснении им процесса развития научного знания. Некритический позитивизм, как выразился бы Маркс, в выборе Куном исходного пункта реконструкции развития научного знания приобретает в иррационализме свое естественное дополнение.

Отметим, во-первых, что уровень, достигнутый современными метанаучными исследованиями, нигде не превышает горизонта кантовской философии, существенно характеризующейся дуализмом. Этот дуализм находит свое выражение, прежде всего, в конституировании двух областей метанаучного исследования – обосновательных исследованиях и исследованиях развития знания, методологических исследованиях. Первые отмечены интересом к предмету, о развитии которого в этом случае не может быть и речи. Вторые – интересом к развитию, эволюции, причем совершенно игнорируется вопрос о том, что же представляет собой то, что развивается. Причем мы видим подчеркнуто нигилистическое отношение к проблематике предметности, к обосновательной проблематике, к ответу на вопрос о том, что собственно эволюционирует. В. Оствальд и А. Бергсон, представляющие в философии полярные позиции, единодушны в своем отношении к проблеме связи между движущимся и движением: движение есть, а существование дви-

жущегося при этом совсем не обязательно. К. Поппер и Т. Кун дают репрезентативные примеры отказа от проблематики надежности знания, обоснованности в конечном итоге от предметности знания в более близкое к нам время. При почти повсеместном интересе к эволюционному, историческому современная философия научного познания оказывается упорно отвергающей решение вопроса о том, что собственно эволюционирует. Современные метанаучные исследования упорствуют в своем кантианстве, точнее сказать, стремятся ни в коем случае не выйти в своих усилиях реконструкции научного знания за те линии развития, которые идут от Канта: любопытно видеть, что, допуская влияние субъекта на формирование изучаемого объекта, то есть признавая активность субъекта в процессе познания, те же авторы не делают следующего шага, вытекающего из первого, из факта признания активности субъекта в процессе познания, а именно признания противоречивости объекта (и субъекта, конечно, но не о нем сейчас идет речь), признания развития.

Диалектические движения в современном научном познании. Достаточно тем не менее обратить внимание на тот размах и то значение, которые приобрела в наши дни молекулярная биология как наука о самом элементарном для нас уровне живого, чтобы понять, что проблема начала, проблема исходного пункта эволюции стоит в современной биологической теории в ряду проблем первостепенной важности. Теория Дарвина оказывалась в трудном положении именно как теория эволюции в связи с тем, что не было разработано учение о наследственности, об элементарном уровне эволюции, генетическом уровне. Великое творение английского натуралиста оказалось, таким образом, уязвимым, с точки зрения современных эволюционистов, в ряде пунктов, и в первую очередь в том, который является центральным в учении Дарвина и относится к характеристике механизма образования видов. Ограничившись случайными мутациями, регулируемые естественным отбором, Дарвин оставил нерешенной проблему объяснения того, каким образом этот механизм мог обеспечить образование сложных биологических структур. Эта трудность поставила современную биологию перед необходимостью принять в качестве одного из элементов теории эволюции некоторый род квазителиологического или телеономического элемента.

Трудно представить себе биолога-эволюциониста, который не ставил бы вопроса о том, что такое тот объект, который эволюционирует, или историка, которого не интересовало бы, что является объектом исторического движения. Вопрос, который здесь встает в названной связи, – это вопрос о том, каким должен быть предмет, вещь, чтобы быть включенной в исторический процесс в самом широком смысле этого слова. Материал такого рода можно найти в самых различных отраслях специально-научного познания, но мы ограничимся тем, к которому по преимуществу обращаются современные авторы, строящие методологию научного познания, то есть реконструирующие процесс научного исследования, а именно к эволюционным теориям в биологии.

В отличие от того, что утверждает К. Поппер, теоретики биологии в высшей мере заинтересованно относятся к проблеме исходного элементарного эволюционирующего уровня, то есть к проблеме, решением которой пренебрегают и Поппер, и Кун. Выдающийся биолог-эволюционист Э. Майр подчеркивал, что Ч. Дарвину не удалось решить проблему, определенную в названии его труда, то есть проблему происхождения вида. «Рассмотрев причину его неудачи ... я пришел к выводу, – пишет Майр, – что основной среди них была неопределенность представлений Дарвина о природе видов... Понимание природы видов, таким образом, является необходимой предпосылкой понимания эволюционного процесса»¹². Замечательно здесь не только понимание важности выяснения того, что эволюционирует само по себе, но и учет абсолютной необходимости корректного представления предмета для характеристики процесса эволюции, что совершенно не признается ни Поппером, ни Куном.

Все науки, становящиеся на эволюционный путь, приходят в конечном итоге к необходимости диалектически противоречивой характеристики эволюционирующего объекта: вид в биологической теории эволюции, наиболее эксплуатируемой методологами науки отрасли специального научного знания; фонема в лингвистике; общественно-экономическая формация в историческом познании; множество, топос в математике. Только диалектическая противоречивость создает то, что позволяет вещи войти в исторический процесс.

¹² Майр, Э. Популяции, виды и эволюция. – М., 1974. – С. 19.

Как уже отмечалось, главной задачей классической немецкой философии было, по существу, обретение вещи в себе в ходе диалектического движения, которая была провозглашена И. Кантом недостижимой, непознаваемой. Но эта же проблема фактически встает в качестве главной в развертывающемся кризисе современного научного познания, который в целом характеризуется как утрата вещи, предмета той или иной отрасли научного познания. Опыт немецкой классической философии может сыграть здесь выдающуюся роль, особенно если мы примем во внимание ту форму, в которой эта философия была сохранена в материалистической диалектике Маркса–Энгельса.

Констатируя тот факт, что метатеоретические исследования науки наших дней редко выходят за пределы, определенные в общем и целом кантовскими открытиями, мы не можем вместе с тем не сказать, что наука наших дней нередко выступает в таких формах, выработанных некогда в философии, которые по разным причинам не в состоянии освоить профессиональный философ и методолог науки. Критикуя Канта, не следует забывать, что преодоление кризисного состояния современной ему философии он осуществляет, апеллируя к современному ему научному познанию, к достигнутому в тот период пику научного познания. Но мы имеем здесь не рабское следование материалу ньютоновской механики, но усмотрение того, что в этой концепции может иметь значение для философии, а именно активность субъекта в процессе познания, то есть усмотрение философского содержания в самой науке. Выход из современного отмеченного претенциозной серостью современного состояния философии и методологии научного познания, кризиса современной философии, в частности, по нашему глубокому убеждению, будет в существенной степени определяться серьезным отношением к науке.

Могут сказать, что Кун и Поппер с неменьшим энтузиазмом относятся к специальной науке в деле формирования познавательных программ самого общего типа. Нельзя, однако, упускать при этом из виду того обстоятельства, что они смотрят на материал науки сквозь призму своих общеполитических воззрений, которым не чужд идеологизм, не позволяющий усмотреть аутентичное содержание научного материала.

Совершенно естественным образом то, что традиционно относилось к сфере философского, а именно отношения «субъект-объект», «материальное-идеальное», становится собственным моментом научного; тем самым, мы оказываемся перед лицом не философии науки, но философии в науке. Наука, таким образом, не может считаться завершенной, пока она не включила в себя философский момент, то есть, в данном случае, она еще не включила в себя субъектно-объектное отношение, отношение «материальное-идеальное». Естественным образом, следуя этому пути, мы приходим к органическому слиянию философского и специально-научного.

Уже у Фихте ощущается стесненность термином «философия», уступающим место более объемному, как нам представляется, понятию «наукоучение». Г. Гегель дает повод высказать нечто подобное и относительно него: «Истинная форма, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее. Моим намерением было способствовать приближению философии к форме науки – к той цели, достигнув которой, она могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть *действительным знанием*»¹³. Свою систему в целом он обозначает как науку логики.

У Маркса мы видим органическое слияние философского и специально-научного, то, что может быть выражено следующим образом: аутентичный эволюционизм, историзм, органически включает в себя собственно философское, мы получаем уже не философию науки, но философское в науке. Наука, как уже отмечалось, не может считаться завершенной на определенном этапе своего развития, не приняв в свое собственное содержание то, что когда-то было прерогативой философии. Активность субъекта в материальном мире, практическая деятельность общественного человека оказывается лежащей в основе преодоления разрыва между философским и специально-научным, позволяет понять специально-научное выступающим в философских формах и философское воплощенным в специально-научном материале.

Мы уже попытались показать, что примеры диалектического освоения специальными отраслями науки, естественно, обращают наш интерес к таким философским доктринам, где то, что оказа-

¹³ Гегель, Г. Феноменология духа. – М., 1959. – С. 3.

лось представленным отдельными отраслями знания, оказывается развитым систематическим образом, составляя парадигму научного познания в целом. Диалектика в ее развитии от Канта до Маркса оказывается в самой высокой степени отвечающей состоянию современного научного познания.

Мы хотели бы подчеркнуть вместе с тем, что при всей важности, которую имеет кантовская традиция в понимании отношений между наукой и философией, преодоление кантианства в любых его формах оказывается фактически задачей первостепенной важности как задача преодоления кризиса познания. В разведении методологии естественных наук и наук общественных мы имеем еще одно его проявление. Между тем если мы посмотрим на работы современных ученых в области естественных наук, с одной стороны, и в области общественных наук, с другой, то увидим подчеркнутое понимание единства метода той и другой области исследования – сошлемся в этом отношении на нобелевского лауреата в области биологии Ф. Жакоба, с одной стороны, и на одного из самых крупных и интересных историков наших дней, Э. Хобсбаума, с другой.

Вот, например, пассаж из заключительной части замечательной книги Ф. Жакоба «Логика живого», имеющий непосредственное отношение к проблеме социального познания, истории: «Признать единство физико-химических процессов на молекулярном уровне – означает, что витализм утратил всякий смысл (*toute fonction*). Действительно, с появлением термодинамики операциональное значение понятия жизни становилось все более и более слабым, а его мощь абстрагирования снижалась. Сегодня в лабораториях уже не спрашивают о том, что такое жизнь. Не пытаются больше очертить ее контуры. Стремятся единственно анализировать живые системы, их структуру, их функцию, их историю. *Но в то же время и распознать финальность живых систем, что означает невозможность больше делать биологию, не соотносясь постоянно с «проектом» организмов, с тем «смыслом» («sens»), который само их существование сообщает их структурам и их функциям* (курсив наш. – В. М.). Легко видеть, насколько это отношение отличается от редукционизма, который так долго преобладал. До сих пор, чтобы быть научным (*pour etre scientifique*), анализ должен был, прежде всего, абстрагироваться от любого соображения (*consideration*), которое

выходило бы за рамки исследуемой системы и его функциональной роли. Строгость, налагаемая на описание, требовала элиминации этого элемента финальности, который биолог отказывался принять в свой анализ. Сегодня, напротив, невозможно более отделить структуру от ее значения, и не только в отдельном организме, но и в последовательности событий, которые ведут организм к становлению таким, какой он есть. Всякая живая система является результатом определенного равновесия между элементами организации. Солидарность между этими элементами ведет к тому, что любая модификация в каком-либо пункте ставит под вопрос ансамбль отношений и рано или поздно порождает новую организацию. Изолируя системы, различающиеся по природе и по сложности, пытаются выяснить при этом их составляющие и исходя из этого объяснить отношения (relations). Но каков бы ни был исследуемый уровень, идет ли речь о молекулах, о клетках, об организмах или о популяциях, история оказывается выступающей здесь в качестве необходимой перспективы, и последовательность (succession) – как принцип объяснения»¹⁴.

Заявление, сделанное И. Пригожиным несколько лет тому назад, о том, что кончилось время науки Галилея, Ньютона, Канта, начинается время науки Гегеля, Дарвина и особенно Маркса, представляется весьма убедительным.

Вообще, обращение к диалектике в деле освоения современного научного познания вовсе не представляется чем-то новым для отечественных специалистов в области философии и методологии научного познания. То, что называлось «диалектической обработкой» современного научного познания, стояло в качестве первостепенной задачи перед философами в советский период развития страны, и надо отметить, что работа по решению этой проблемы на определенных этапах общественного развития развивалась достаточно успешно. Не уходя далеко в историю, назовем в качестве примера такую обобщающую и в определенной мере итоговую работу, как подготовленную отечественными учеными и учеными стран социалистического лагеря книгу «Диалектика. Познание. Наука» (Изд. АН СССР. – М.: Наука, 1988).

¹⁴ Jacob, F. *La logique du vivant*. – Editions Gallimard, 1970. – P. 320.

Можно назвать и имена ученых, которые, не будучи связанными обязательством «диалектически обрабатывать» свою отрасль знания, фактически становились на почву диалектики. Приведем в этой связи имя выдающегося отечественного биолога-эволюциониста и генетика С. С. Четверикова, который в сделавшей эпоху статье «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики» подчеркивает взаимодействие некогда противостоящих концепций дарвинизма и менделизма. Не одна физика рождала в это время диалектику в ее наиболее аутентичных формах. Для эволюционной теории в биологии диалектизация оказывалась осуществленной вместе с определением предмета эволюции (это обстоятельство особенно важно отметить в отношении современных эволюционных доктрин в методологии научного познания, пренебрегающих именно задачей определения своего предмета или просто не понимающих его, этого определения, важности, точнее сказать, его абсолютной необходимости).

Философия науки наших дней движется в пределах, обозначенных кантовской традицией: мы видим здесь то становление обосновательного подхода, оторванного от эволюции, который характеризуется утверждением предметности, предмета, который не включен в историческое движение, в эволюцию и, тем самым, не может быть признанным в качестве именно такого предмета, поскольку не обеспечивает выведения из него всего обосновываемого знания, то утверждение эволюционного подхода без ясного понимания того, что собственно эволюционирует. Это совсем не необычная ситуация, с ней имели дело уже философы Древней Греции, но если эти последние воспринимали такого рода ситуации как теоретическую драму, то в близкие к нам времена можно встретить утверждение о нормальности ситуации, когда говорится, что движение имеет место, а движущегося не существует (А. Бергсон, В. Оствальд). Методология современного научного познания, кажется, чувствует себя вполне комфортно, стоя на такой позиции, приобретающей законченную форму в постмодернизме.